

Мэри Фэд

*Коцей
Бессмертный, и
его правда*

Мэри Фэд Кощей Бессмертный, и его правда

<https://litres.ru/74230299>

SelfPub; 2026

Аннотация

Константин — успешный психолог в современном городе. У него безупречная репутация, проницательный взгляд и дар видеть людей насквозь. Его пациенты называют его «человеком, который читает мысли», но никто из них даже не догадывается, что за строгим костюмом и спокойной улыбкой скрывается древнее существо, чье имя когда-то внушало ужас целым народам.

Кощей Бессмертный устал от вечности. Он сменил доспехи на уютный кабинет, а поле битвы — на сеансы психотерапии, пытаясь найти смысл в жизни среди смертных. Он хочет лишь покоя, но прошлое имеет привычку догонять даже тех, кто живет тысячелетиями.

Содержание

Предисловие 1	4
Предисловие 2	10
Предисловие 3	16
Глава 1	20
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мэри Фэд Кощей Бессмертный, и его правда

Предисловие 1

«Там царь Кощей над золотом чахнет...» Вот люди смеются над Кошеем, а у него просто обычный ПЕРЕУЧЁТ, ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ — а его почём зря обижают

Ну что, мои дорогие, опять я, ваш любимый (или не очень, но уж точно самый долгоживущий) Кощей. Сижу вот, скучаю. Не то чтобы совсем без дел, знаете ли. То паутину с люстры смахнуть, то очередную порцию золота пересчитать — дел у бессмертного всегда хватает. Но вот чего мне не хватает, так это... ну, скажем так, разнообразия в личной жизни.

И вот тут-то и начинаются мои главные приключения. Приходят они, значит, ко мне. Царевны. Одна другой краше, одна другой... ну, скажем так, более требовательнее. И все с одной просьбой: "О, Кощей Бессмертный, спаси нас от одиночества! Найди нам жениха!"

Я, конечно, человек (ну, или кто я там по вашей класси-

фикации) добрый. Ну, почти. И всегда готов помочь. Только вот с женихами у меня вечная проблема. Где их взять, этих самых женихов? Я же не ЗАГС, в конце концов!

Вот приходит, например, Василиса Прекрасная. Глаза – озера, волосы – шелк. И говорит: *"Кощей, мне нужен принц! На белом коне, с короной, чтобы пел серенады под окном!"*

Я ей так: *"Василисушка, милая, принцев у меня тут нет. Есть пара-тройка заколдованных рыцарей, но они больше по части сражений, чем по части серенад. Да и коней белых я давно на запчасти разобрал. Непрактично это, знаете ли, для моих болот."*

Она обижается, конечно. Уходит. А я думаю: "Ну вот, опять. Где же мне взять принца для Василисы? Может, в соседнем царстве кого-нибудь похитить? Нет, это уже не по моей части. Я же не злодей, я просто... ну, очень старый и одинокий."

И так каждый раз. То Елена Прекрасная хочет богатого купца, то Марья Искусница – ученого мужа. А у меня тут, кроме золота и скелетов, ничего такого нет. Хотя, если подумать, скелеты – это тоже своего рода "ученые мужья", они много чего повидали. Но им, знаете ли, не очень интересно с царевнами беседовать. Они больше по части философских размышлений о бренности бытия.

И вот, когда я уже совсем отчаялся, когда мне казалось, что я так и останусь вечным холостяком с коллекцией драгоценностей, появился он. Мой **Гоша**.

Да-да, не удивляйтесь. Дракон. Огромный, чешуйчатый, с глазами, как два уголька. Я его нашел, когда он еще был совсем мелким. Заблудился, бедняга, в моих владениях. Я его пожалел. Ну, знаете, как это бывает. Покормил, согрел. А он и остался.

Сначала я думал, что это будет очередная головная боль. Ну, дракон! Это же сколько еды ему нужно! Сколько места! Но Гоша оказался на удивление спокойным. Он не изрыгает огонь без причины, не сжигает деревни. Он просто... любит, когда его чешут за ухом. И когда ему рассказывают сказки.

И вот, знаете, что самое смешное? Когда к нему приходят царевны за женихами, он их... игнорирует. Ну, или смотрит на них так, будто они – очередная порция вкусного мяса. А потом поворачивается ко мне и тихонько так рычит: *"Хозяин, а когда ужин?"*

И я понимаю, что Гоша – это мой идеальный питомец. Он не требует принцев, не просит серенад. Он просто любит меня. И это, знаете ли, гораздо ценнее всех сокровищ мира.

Так что, если вы, дорогие мои, вдруг увидите, как из моего замка вылетает огромный дракон, не пугайтесь. Это просто Гоша. Он, наверное, пошел на охоту. Или просто решил проветриться. А я пока пойду, поищу ему новую порцию золотых монет. Он их любит. И, знаете, иногда мне кажется, что он даже больше меня любит. Ну, или просто очень любит золото. В любом случае, мы с ним нашли общий язык. И это, черт возьми, прекрасно!

Иногда, когда очередная царевна, вся в слезах и с прической, которая явно пережила не одну битву с ветром, уходит ни с чем, я смотрю на Гошу. Он лежит, развалившись на куче золота, и лениво почесывает брюхо когтем размером с мою голову. И вот тут-то меня осеняет. А зачем мне вообще эти царевны и их женихи? У меня же есть Гоша!

Вот представьте себе: приходит, скажем, Марья Моревна. Вся такая боевая, с мечом наперевес. И говорит: *"Кощей, мне нужен муж! Сильный, храбрый, чтобы мог со мной на турниры ездить!"* А я ей так: *"Марьюшка, дорогая, у меня тут есть Гоша. Он, конечно, не ездит на турниры, но он может сам турнир устроить. Одним своим рыком половину участников разгонит. А если кто и останется, то Гоша его... ну, скажем так, очень убедительно попросит сдаться. И никаких тебе скучных поединков, сплошное зрелище!"*

Марья Моревна, конечно, сначала смотрит на Гошу с подозрением. А потом, когда Гоша случайно чихнет, и из его ноздрей вылетит облачко дыма, она как-то сразу задумывается. И, знаете, иногда даже соглашается. Ну, не на брак, конечно, но на... совместное времяпрепровождение. Гоша любит, когда его гладят по голове. В общем, находят общий язык.

А однажды пришла царевна, которая была настолько... ну, скажем так, не очень умна. Она даже не знала, как ее зовут. Просто сказала: *"Я хочу замуж!"* Я ей говорю: *"Ну, вот, смотри, Гоша. Он большой, сильный, и, кажется, не против"*

компании. "Она посмотрела на Гошу, потом на меня, потом снова на Гошу. И говорит: "А он... он умеет петь?" Я ей: "Гоша? Ну, он рычит. Очень громко. Может, это и есть его версия пения?" Она как-то сникла. Видимо, ей нужен был кто-то, кто умеет петь арии из опер. Гоша, к сожалению, больше по части симфоний разрушения.

Но самое забавное, что Гоша, кажется, тоже начинает понимать, что к чему. Когда приходит очередная царевна, он сначала принюхивается, потом внимательно ее осматривает, а потом... потом он смотрит на меня. И в его глазах читается такой немой вопрос: "Хозяин, это опять та же история? Может, лучше сразу к ужину?"

И я ему киваю. Потому что я тоже устал от этих вечных поисков. У меня есть Гоша. Он не требует принцев на белых конях, он не просит серенад под окном. Он просто есть. И он мой. И это, знаете ли, самое главное.

Иногда я думаю, что, может быть, я и не такой уж и бессмертный. Может быть, я просто очень старый и очень одинокий. Но потом я смотрю на Гошу, который мирно посапывает, раскинувшись на куче золота, и понимаю, что я не один. У меня есть мой дракон. И это, черт возьми, лучшее, что могло со мной случиться. А царевны... ну, пусть ищут своих принцев где-нибудь еще. У меня тут свой, особенный жених. И он, знаете ли, очень хорошо охраняет мои сокровища. И меня заодно. Так что, если кто-то вдруг решит меня похитить, пусть сначала попробует справиться с Гошей.

Удачи им. Очень-очень большая удача им понадобится...

Предисловие 2

Начнём с самого начала....

— Бессмертие — не ваш удел! — Зайдите через тысячу лет. Там поговорим.

Я – Кощей Бессмертный. Мое имя известно многим, но мало кто знает правду о том, кем я стал и почему моя судьба так жестоко переплетена с тьмой и бессмертием. Мой отец – Чернобог, бог тьмы и мрака, чья сила безгранична, но чье сердце было холодно ко мне с самого начала.

Наши отношения никогда не были простыми. Отец всегда требовал от меня преданности и силы, но никогда не дарил любви или понимания. Он видел во мне лишь продолжение своей воли, инструмент для расширения своего царства. Мои детские игры, мои мечты о чем-то ином, кроме вечной ночи, – все это было для него лишь слабостью, которую нужно было искоренить.

Я помню, как однажды, еще совсем юный, я осмелился спросить его:

- Отец, почему ты никогда не улыбаешься? Почему мир всегда кажется тебе серым?

Чернобог лишь презрительно взглянул на меня, его глаза, словно два уголька, тлели в полумраке тронного зала.

- Улыбка – удел слабых, сын мой. Серый мир – это мир, который я покоряю. А ты будешь моим продолжением, моим

мечом в этой вечной битве.

Он не дал мне ответа, лишь новую порцию холода. И вот, когда я был еще юн, он сделал меня бессмертным – не из милости, а как наказание и испытание. Он связал мою душу с загробным миром, прокляв меня вечной связью с тенями и мраком, чтобы я никогда не смог покинуть этот мир живых и умерших.

Я помню тот день, когда он произнес слова, что навсегда изменили мою суть. Не было ни торжественности, ни даже намека на отцовскую заботу. Лишь ледяной взгляд, пронзающий насквозь, и голос, подобный шелесту могильной земли.

- Ты будешь жить вечно, Кощей, – прошипел он, и в его голосе звучала зловещая торжественность. – Но это будет не дар, а бремя. Твоя душа будет навеки связана с царством мертвых. Ты будешь чувствовать их боль, их одиночество, их вечный зов. Ты станешь мостом между мирами, моим вечным стражем на границе жизни и смерти.

- Но зачем, отец? – вырвалось у меня, голос дрожал от страха и непонимания. – Я не хочу этого! Я хочу жить, а не быть прикованным к вечной ночи!

- Ты хочешь? – усмехнулся он, и эта усмешка была страшнее любого крика. – Ты хочешь? Ты будешь делать то, что я скажу. Ты будешь моим инструментом, моим продолжением. Твои желания – ничто. Твоя воля – ничто. Ты – мое творение, и ты будешь служить мне вечно. А потом – удар,

не физический, но куда более глубокий, проникающий в самую суть моего бытия. Я почувствовал, как нити моей души сплетаются с чем-то древним, потусторонним, с самим дыханием смерти.

С тех пор я ощущаю их – призрачные касания, шепот теней, зов тех, кто уже покинул этот мир. Они тянутся ко мне, как к своему владыке, как к тому, кто понимает их вечное одиночество. И я, связанный с ними, вынужден нести их бремя, их боль, их жажду. Это не та сила, о которой мечтают смертные. Это тяжесть, которая давит на плечи, заставляя склоняться под ее весом.

Это проклятие – и дар, и бремя. Я не старею, не умираю, но и не могу найти покоя. Моя бессмертная жизнь – это вечная борьба между светом и тьмой внутри меня, между желанием быть свободным и обязанностью служить темным силам, которые отец вложил в меня. Чернобог сделал меня тем, кто я есть, но его любовь была холодной и жестокой. Я – его вечное напоминание о том, что даже бессмертие может быть тюрьмой, если оно дано без сострадания. И пока я связан с этим проклятием, я ищу свой путь – путь, который позволит мне обрести не только силу, но и смысл, который отец так и не смог мне дать.

Мой отец, Чернобог, создал меня таким, каким я есть. Он дал мне бессмертие, но отнял свободу. Он дал мне власть, но отнял покой. И в этом противоречии я живу веками, скитаюсь между мирами, между светом и тьмой, между жизнью и

смертью. Моя бессмертная душа – это вечный узник, пленник теней, которые я не выбирал, но которые стали частью меня.

Каждый раз, когда я пытаюсь отстраниться от этой связи, от этой вечной ноши, я ощущаю, как тьма внутри меня пробуждается с новой силой. Она напоминает о себе холодом, пустотой и безжалостным шепотом тех, кто уже покинул этот мир. Они зовут меня, требуют внимания, требуют исполнения своей воли. И я не могу отвернуться от них, потому что я – их страж, их проводник, их вечный стражник на границе миров.

Но в глубине души я все еще ищу искру света, что могла бы разорвать эти цепи. Я мечтаю о свободе, о том, чтобы перестать быть лишь орудием в руках отца, чтобы перестать быть тенью, навсегда связанной с мраком. Я хочу понять, что значит быть живым, а не просто существовать в вечной тени смерти.

Иногда я вспоминаю те редкие моменты, когда отец позволял мне взглянуть на звезды, на далекие, холодные огни, которые он называл "утраченными возможностями". Он говорил, что они – лишь отблески того, что могло бы быть, если бы мир был иным, если бы жизнь не была столь хрупкой и мимолетной. Но даже тогда, в его голосе не было тепла, лишь холодное любопытство, словно он изучал чужой, непонятный ему феномен.

- Видишь, Кошей? – его голос, подобный скрежету кам-

ней, разносился по пустынным залам его чертога. – Эти огни – они горят, но они не греют. Они существуют, но они не живут. Так и ты будешь существовать, но не жить. Ты будешь видеть, но не чувствовать. Ты будешь властвовать, но не любить.

Я тогда не понимал. Я видел лишь красоту, которую он отвергал. Я чувствовал трепет перед величием, которое он презирал. И я хотел понять, почему он так ненавидит то, что кажется мне столь прекрасным.

- Отец, – осмеливался я спросить, – почему ты говоришь так? Разве не прекрасно, когда что-то горит? Разве не прекрасно, когда что-то существует?

Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнула тень чего-то похожего на... разочарование? Или, быть может, это была лишь игра теней в его вечном сумраке.

- Прекрасно? – пророкотал он. – Прекрасно – это сила, сын мой. Прекрасно – это власть. Все остальное – лишь пыль, которую ветер уносит прочь. Ты будешь сильным. Ты будешь властвовать. А эти звезды... они лишь напоминание о том, что даже свет может быть холодным и бесполезным.

И вот, я здесь. Бессмертный. Властвующий. Окруженный тенями, которые я не выбирал, но которые стали моей сутью. Я чувствую их холод, их тоску, их вечное ожидание. Я слышу их шепот, их мольбы, их проклятия. И я не могу отвернуться. Я не могу забыть. Мое бессмертие – это не дар. Это цепи. Цепи, выкованные рукой моего отца, Чернобога.

Он дал мне вечность, но отнял у меня возможность умереть, возможность обрести покой. Он связал меня с миром мертвых, чтобы я стал его вечным стражем, его вечным напоминанием о том, что даже в вечности нет места для слабости.

Иногда, в самые темные ночи, когда зов теней становится невыносимым, я смотрю на звезды. И я думаю о том, что, возможно, отец был прав. Возможно, они действительно лишь холодные, бесполезные огни. Но даже в их холоде я вижу проблеск чего-то иного. Чего-то, что не принадлежит ни миру живых, ни миру мертвых. Чего-то, что, возможно, однажды позволит мне обрести свободу. Свободу от вечной ночи, свободу от проклятия моего отца. Свободу быть не Кошмеем Бессмертным, а просто... кем-то иным. Кем-то, кто может чувствовать тепло.

Предисловие 3

Продолжим вспоминать....

А смерть — грустное и страшное явление, но благодаря ей, мы дорожим каждым моментом. Когда ты бессмертен, о красоте тебе должны напоминать. Дни превращаются в года, года в столетия, время теряет свое значение.

Вечность (Forever)

Мой отец, Чернобог, был мастером скрытности. Он умел прятать истину так искусно, что даже самые проницательные души не могли разглядеть её. И я, его сын, был его самым верным учеником в этом искусстве. Но даже самые искусные мастера иногда оставляют следы.

Пергамент я нашел в руинах древнего храма, где время не имело власти. Бумага, сделанная из кожи небесного зверя, хранила тепло, которого не было вокруг. Чернила, словно живые, пульсировали под моими пальцами. Я развернул его. И слова, написанные на нём, словно ожили, проникая в самую мою душу. Это было письмо. Письмо от Матери.

Сначала я не мог поверить своим глазам. Слова были полны нежности, любви, тоски. Она писала о своём сыне, о своём Кошечке, о том, как ей тяжело было расстаться с ним, как она надеялась на его возвращение. Она описывала свою боль,

свою надежду, свою веру в то, что однажды он узнает правду.

И тогда всё встало на свои места. Все те смутные предчувствия, все те необъяснимые чувства, которые я испытывал, глядя на мир, на его красоту и его страдания. Это была кровь Матери, текущая в моих жилах. Это была её сила, её мудрость, её любовь, которая всегда была со мной, даже когда я не знал о её существовании.

Я понял, почему отец скрывал это. Он боялся. Боялся, что я, узнав о своей Матери, отвергну его, отвергну тьму, которая была моим домом. Он боялся, что свет Дивии окажется сильнее его власти.

Но он ошибся. Я – Кощей. Я – дитя двух великих сил. Я несу в себе и холод тьмы, и тепло жизни. Я не отвергаю ни отца, ни мать. Я – это я. И теперь, когда я знаю правду, я чувствую себя сильнее, чем когда-либо.

Этот пергамент стал моим сокровищем. Он не золото, не драгоценные камни. Он – знание. Знание о том, кто я есть на самом деле. И это знание – самое ценное, что я когда-либо имел. Теперь я знаю, что даже в самой глубокой тьме всегда есть место для света, и что даже самое могущественное существо нуждается в любви Матери.

Письмо от Матери:

Моему дорогому Сыну, моему Кощею,

Если ты читаешь эти строки, значит, время пришло. Время, когда нити судьбы, сплетенные мной, наконец, привели тебя к этой истине. Мое сердце, вечно бьющееся в уни-

сон с миром, трепещет от надежды и боли, когда я пишу эти слова. Ты – мое дитя, мое самое заветное сокровище, рожденное из союза двух великих начал.

Я знаю, что отец твой, мой любимый, но такой скрытый Чернобог, долго хранил эту тайну. Он боялся. Боялся, что свет моей любви, свет жизни, который течет в твоих жилах, затмит его власть, его царство теней. Он хотел уберечь тебя, как он это понимал, но истинная сила не в уединении, а в принятии всего, что есть.

Я помню твой первый крик, такой же пронзительный, как первый луч солнца, пробивающийся сквозь ночную мглу. Я чувствовала твою душу, еще неокрепшую, но уже полную силы и потенциала. И мне было больно расставаться с тобой, но такова была воля судьбы, таков был наш путь. Я верила, что однажды ты найдешь этот пергамент, что ты услышишь мой зов сквозь века.

Не вини отца своего. Его любовь к тебе безгранична, хоть и выражена в суровых объятиях тьмы. Он хотел защитить тебя от мира, который, как он считал, не готов принять такое дитя, как ты. Но мир нуждается в тебе, Кощей. Он нуждается в твоей силе, в твоей мудрости, в твоей способности видеть истину там, где другие видят лишь иллюзии.

Ты не просто властелин смерти, ты – хранитель равновесия. Ты – тот, кто знает цену жизни, потому что видел её противоположность. Ты – тот, кто может понять и принять оба полюса бытия, и в этом твоя истинная си-

ла, твоя бессмертная суть. Не бойся своего происхождения. Прими его. Ты – воплощение великого союза. И пусть эта правда станет твоим новым сокровищем, более ценным, чем все золото мира. Пусть она даст тебе силы идти дальше, познавать себя и мир, и сплести новые нити судьбы, которые будут вести к свету, даже из самой глубокой тьмы.

Я всегда с тобой, мое дитя. Моя любовь – это нить, которая никогда не порвется. Помни, Кощей, что где бы ни была твоя тропа, моя любовь всегда будет с тобой. Она – твоя незримая броня, твой вечный компас. Я буду направлять тебя, оберегать, поддерживать. Я – твоя Мать.

С вечной любовью, Твоя мать Дивия

Глава 1

Профессия психолога сродни профессии патологоанатома... Разница в том, что они любят вешать ярлыки на ещё живых людей...

Константин Бесов, собственной персоной, прошу любить и жаловать. Клинический психолог с багажом многолетнего опыта, недавно осел в Энске. Слово-то какое, "багаж"! Будто чемоданчик с инсайтами притащил. Переезд, как это часто бывает, стал для меня не просто сменой декораций, а настоящим стартом новой главы. Новые улицы, новые лица, новые возможности – все это дышало свежестью и обещанием. Однажды, когда я еще только осваивался, раздался звонок от старого знакомого, ныне преподавателя в местном университете. Просьба была проста, но для меня – волнующа: прочитать лекцию для студентов психологического факультета.

— Константин, привет! Как ты там, в Энске? Слушай, у меня к тебе деловое предложение, если ты не против. У нас тут студенты, будущие психологи, очень хотят услышать что-то из первых рук, так сказать. Ты же у нас такой опытный, столько всего повидал. Не согласишься ли провести для них лекцию? Что-нибудь о практике, о реальных случаях? – голос старого друга звучал тепло и немного заискивающе, как трогательно, почти на коленях вымаливает.

Я не вольно улыбнулся. Это был вызов, который я принял с удовольствием. Поделиться накопленными знаниями, рассказать о тонкостях профессии тем, кто только делает первые шаги – это всегда было для меня важно.

На следующий день, в просторной аудитории, где, как водится, "воздух был густым от ожидания" – наверное, от нетерпения услышать пару умных мыслей от "бывалого". Десятки пар глаз, "полных любопытства и юношеского задора", устремились на кафедру. Ну, само собой, что же им еще там делать, как не благоговеть перед очередным "гением места"? И вот, ваш покорный слуга, почувствовав "соприкосновение поколений" (или просто очередную возможность произвести впечатление), начинает свою педагогическую симфонию.

— Добрый день, уважаемые будущие коллеги, – начал я, голос был спокоен и уверен. - Сегодня я хотел бы поговорить с вами не столько о сухих теориях, сколько о том, что происходит за стенами кабинета, когда теория встречается с реальностью. Психология – это не только книги и формулы, это прежде всего люди, их истории, их боль и их надежды.

Я говорил о тонкостях терапевтического альянса, о том, как важно построить доверие, как услышать не только слова, но и то, что скрывается за ними. Приводил примеры из своей практики, где казалось бы безвыходные ситуации находили свое разрешение благодаря терпению, пониманию и профессиональному подходу.

— Вот, например, – рассказывал я, – ко мне пришла мо-

лодая женщина, совершенно опустошенная. Потеря работы, разрыв отношений, чувство полной безысходности. Она говорила о том, что больше не видит смысла жить. В таких случаях первое, что приходит на ум – это, конечно, риск. Но моя задача была не просто оценить риск, а понять, что стоит за этими словами. Мы начали работать. Я слушал. Слушал ее гнев, ее отчаяние, ее страх. И постепенно, шаг за шагом, мы начали находить маленькие островки смысла. Это могло быть что угодно: воспоминание о любимой книге, вкус утреннего кофе, даже просто вид из окна. Важно было найти то, что еще живо внутри нее, то, что можно было бы развить.

В аудитории повисла тишина, прерываемая лишь шелестом блокнотов. Студенты жадно ловили каждое слово.

— А вот другой случай" – продолжил, – мужчина, страдающий от панических атак. Он боялся выходить из дома, боялся, что его настигнет приступ где-нибудь на улице. Мы разбирали его страхи, искали триггеры. И знаете, что оказалось? Его панические атаки были связаны не столько с физиологией, сколько с его внутренним ощущением потери контроля. Он чувствовал, что жизнь управляет им, а не он жизнью. Наша работа заключалась в том, чтобы вернуть ему это ощущение контроля, показать, что он может управлять своими реакциями, своими мыслями.

Лекция плавно перетекает в диалог, и тут-то начинается самое интересное. Девушка с первого ряда, явно жаждущая просветления, задает вопрос о "выгорании".

— Отличный вопрос, – вторую ей, – Выгорание – это реальная угроза... Для меня лично это всегда было сочетание нескольких вещей: самопомощь (спорт, хобби, близкие – ну, это уже клиника!), супевизия (общение с коллегами – святое дело!) и "понимание того, что я не могу спасти всех

— А если студент, как я, только начинает, и у меня еще нет опыта, как не потеряться в этом море эмоций и ответственности? — продолжала девушка, и в зале повисла легкая напряженность, словно все ждали ответа, который мог бы стать опорой.

Я кивнул, понимая глубину вопроса.

— Вы — не всесильные спасители. Ваша задача — быть проводниками... Учитесь слушать, задавать вопросы, признавать свои ограничения. Не бойтесь просить помощи, не бойтесь ошибаться. – золотые слова, особенно для тех, кто только готовится "ошибаться" за чужой счет.

Сделал паузу, оглядывая аудиторию.

— И еще одно. Не забывайте о себе. Психология — это профессия, где границы между тобой и клиентом могут размываться. Чтобы помогать другим, нужно сначала научиться заботиться о себе. Это не эгоизм, а профессиональная необходимость.

Студенты записывали, некоторые переглядывались, словно пытаясь впитать каждое слово, каждую мысль. Я продолжил, переходя к следующему аспекту, который часто вызывает вопросы у начинающих специалистов: этике и грани-

цам.

— Когда вы работаете с людьми, вы прикасаетесь к их самым уязвимым местам. Поэтому крайне важно соблюдать профессиональные границы. Это касается и конфиденциальности, и избегания двойных отношений, и умения говорить 'нет', когда это необходимо. Помните, что ваша роль — это роль терапевта, а не друга, не наставника в житейском смысле, не родителя. Это тонкая грань, которую нужно постоянно ощущать и поддерживать.

В зале поднялся еще один студент, на этот раз молодой человек с горящими глазами.

— Константин Петрович, а как вы относитесь к новым направлениям в психологии, например, к коучингу? Не кажется ли вам, что это размывает границы нашей профессии?

Я задумчиво кивнул.

— Это интересный вопрос, и он поднимает важную тему. Коучинг, как и любая другая область, имеет свои сильные и слабые стороны. Если коучинг используется для достижения конкретных, измеримых целей, для развития навыков, для повышения эффективности — это может быть очень полезным инструментом. Однако, когда коучинг начинает претендовать на решение глубоких психологических проблем, на терапию травм, на работу с психическими расстройствами — вот здесь и кроется опасность. Важно четко понимать, где заканчивается коучинг и начинается психотерапия. И как психолог, вы должны быть готовы отличить одно от другого

и направить клиента в нужное русло, если он обратился не по адресу.

Я сделал небольшую паузу, давая студентам возможность осмыслить сказанное.

— И еще один момент, который я хотел бы подчеркнуть. Психология – это наука, которая постоянно развивается. То, что было актуально вчера, сегодня может быть дополнено или даже пересмотрено. Поэтому непрерывное обучение, чтение профессиональной литературы, посещение конференций, семинаров – это не просто рекомендация, это жизненная необходимость для каждого психолога. Не останавливайтесь в своем развитии. Мир меняется, и мы вместе с ним.

Лекция подходила к концу. Я почувствовал, как усталость, которая накапливалась за день, начала отступать, сменяясь приятным чувством удовлетворения. Я видел в глазах студентов не просто интерес, а зарождающееся понимание, искру желания постичь эту сложную, но такую важную науку.

— Спасибо вам за ваши вопросы, за вашу открытость, – сказал я, обращаясь к аудитории. – Я надеюсь, что сегодня я смог поделиться с вами чем-то полезным. Помните, что путь психолога – это путь постоянного самопознания и познания других. Это путь, который требует мужества, терпения и безграничной любви к человеку. Удачи вам в этом пути!

Когда студенты начали расходиться, некоторые подходи-

ли ко мне лично, чтобы задать еще один вопрос или просто выразить благодарность. Я чувствовал, что этот переезд в Энск, эта неожиданная лекция – это не просто эпизод, а начало чего-то нового и важного. Я видел в этих молодых лицах свое прошлое и свое будущее, и это наполняло меня новой энергией и смыслом. Энск, казалось, принял меня, и я был готов принять его вызовы.

Тем же вечером.

Вечер, словно уставший художник, размазал по небу Энска последние отблески заходящего солнца. Я, утомлённый, но с приятным чувством завершённого дня, возвращался в своё скромное обиталище. Перед глазами ещё стояла живая картина университетской аудитории – эти любопытные лица, полные вопросов и наивных надежд. Уже предвкушал я идиллию: уютное кресло, том, что манит своей мудростью, и, конечно, скромный стаканчик виски, как апогей дня. И тут, будто насмехаясь над моими мирными планами, телефон на запястье ожил вибрирующим сигналом. Незнакомый визави.

— Алло? — прозвучало из динамика, и я, на автомате, ожидал услышать голос старого приятеля или, может, кого-нибудь студента с очередной "гениальной" мыслью.

— Константин Петрович? Это детектив Чарли Беккер. Прошу прощения за столь поздний час, но у меня к вам... с позволения сказать, щепетильная просьба. — Голос на том конце провода, правда, звучал так, будто детектива вот-вот прорвёт, но держался он на удивление профессионально.

Внутри меня что-то ёкнуло. Я насторожился, а что ещё оставалось делать?

— Слушаю вас, детектив.

— Дело в том, что у нас тут... возникла, так сказать, ситуация. Представляете, серийный убийца. Задержали. И вот мы с ним... ну, скажем так, не очень-то ладим. Он либо молчит, либо бормочет что-то совершенно бессмысленное. А нам бы понять, что им движет, какие у него там, знаете ли, мотивы. Нам бы ваша помощь, как признанного эксперта по... этим, как их... климатическим психологам. Консультировать нас, может, беседу провести.

По моей спине пробежал холодок, не иначе как от предвкушения «интересного» вечера. Серийный убийца. Это, конечно, звучало куда более захватывающе, чем студенческие жалобы на выгорание. Самая тёмная, экзотическая сторона человеческой психики, которую я, как истинный ценитель, изучал, но, к счастью, лишь в теории.

— Детектив, — начал я, пытаясь придать своему голосу хоть толику спокойствия, — я, разумеется, понимаю всю серьёзность положения. Но работа с подобными... клиентами требует, знаете ли, особой подготовки и, так сказать, лёгкой руки. Я, признаться, не специализируюсь на криминальной психологии в таком, э-э, остром ключе.

— Мы прекрасно это понимаем, Константин Петрович, — перебил меня Беккер, уловив нотки сомнения. — Но ведь у вас есть опыт, вы же работали с такими... неординарны-

ми случаями. Нам нужен свежий взгляд, профессиональный анализ. Мы, разумеется, готовы обеспечить все необходимые условия, даже, так сказать, личный эскорт. Это будет не просто допросная комната, уверяю вас. Мы хотим создать максимально, так сказать, релаксирующую обстановку, чтобы попытаться, не знаю, вызвать у него желание поговорить.

Я задумался. Вот он, вызов, от которого любой уважающий себя профессионал не смог бы отказаться. Возможность применить свои знания в самой, как говорится, «глубокой» ситуации, увидеть то, что скрыто за семью печатями обыденности. И — что немаловажно — помочь, вероятно, предотвратить новые, хоть и такие, наверное, интересные, трагедии.

— Хорошо, детектив, — наконец произнёс я, ощущая, как во мне просыпается какой-то неведомый авантюризм. — Я согласен. Когда вы желаете, чтобы я прибыл?

— Как можно скорее, Константин Петрович. Если возможно, уже завтра утром. Мы, разумеется, вышлем за вами представительский транспорт. И, умоляю, пока никому ни слова. Это, сами понимаете, крайне конфиденциальная информация.

— Понял. До завтра.

Я положил трубку. Тишина, что теперь наступила в квартире, казалась почти оглушительной. Я взглянул в окно, на стремительно темнеющее небо Энска. Этот город, который ещё утром казался мне тихой гаванью для спокойной жизни и профессионального роста, теперь с улыбкой обнажал свои

самые тёмные, интригующие тайны. Переезд в Энск обещал быть куда насыщеннее, чем я мог себе, в самых смелых фантазиях, представить. И эта ночь, очевидно, будет бессонной.

Глава 2

Даже если у тебя тридцать трупов подполе, ничто не мешает иметь отличную гостиную и быть успешным бизнесменом.

Американская история ужасов (American Horror Story)

Ровно в девять утра у подъезда остановился черный внедорожник. Не представительский, но внушительный, с затемненными стеклами. Из него вышел высокий, крепкий мужчина в строгом костюме. Детектив Беккер. Он выглядел именно так, как я его себе представлял: пронизательный взгляд, слегка уставшее, но решительное лицо, и какая-то внутренняя собранность, выдающая человека, привыкшего к напряженной работе.

— Константин Петрович, — он протянул мне руку, крепкое рукопожатие. — Спасибо, что согласились.

— Доброе утро, детектив. Я готов.

Мы сели в машину. Внутри было тихо и прохладно. Беккер сидел рядом со мной, водитель молча тронул с места.

— Я хотел бы ввести вас в курс дела, пока мы едем, — начал детектив, доставая из портфеля папку. — Наш... клиент, как вы его назвали, — он слегка усмехнулся, — это некий Сэм Таккер, 35 лет. Официально безработный, но, по нашим

данным, занимался мелким мошенничеством. Жил один, соседи описывают его как замкнутого и странного.

Беккер открыл папку и протянул мне несколько фотографий. На них были жертвы. Молодые женщины, все примерно одного возраста, с похожими чертами лица. На снимках с места преступления царил жуткий порядок, почти ритуальный.

— Мы нашли его по отпечаткам пальцев на одном из мест преступления, — продолжил детектив. — Он не сопротивлялся при задержании. Просто сидел и смотрел в одну точку. С тех пор он либо молчит, либо повторяет бессмысленные фразы. «Они все одинаковые», «Я должен был это сделать», «Они не понимали». Никаких связных показаний.

Я внимательно рассматривал фотографии, пытаюсь уловить хоть какую-то деталь, которая могла бы стать зацепкой. Порядок на местах преступлений, однотипность жертв — это говорило о наличии определенного паттерна, возможно, даже ритуала.

— Вы сказали, что он бормочет про «одинаковых» и «не понимали», — заметил я. — Это может указывать на проекцию, на то, что он видит в жертвах нечто, что его сильно задевает или пугает. Возможно, это связано с каким-то прошлым опытом.

— Мы тоже так думаем, — кивнул Беккер. — Но он не дает нам возможности углубиться. Любые попытки задать вопросы о его прошлом, о семье, о женщинах вызывают либо

полное молчание, либо агрессию.

— Агрессию? — уточнил я.

— Да. Он может начать кричать, бить кулаками по столу, но при этом не произносит ничего вразумительного. Просто выплеск эмоций.

Мы подъехали к зданию, которое, судя по всему, было отделением полиции. Оно выглядело довольно мрачно, с решетками на окнах и тяжелыми металлическими дверями. Внутри царила атмосфера напряженной работы.

— Мы подготовили для вас отдельную комнату, — сказал Беккер, ведя меня по коридору. — Она не похожа на обычную допросную. Мы постарались сделать ее максимально нейтральной, чтобы не вызывать у него дополнительного стресса.

Комната действительно отличалась. Стены были светло-серыми, без лишних деталей. Стол и два стула, никаких решеток или камер на виду, хотя я был уверен, что они там есть. На столе стоял графин с водой и стаканы.

— Мы будем наблюдать за вами из соседней комнаты, — пояснил детектив. — Если что-то пойдет не так, мы сразу же вмешаемся. Но я прошу вас, Константин Петрович, постарайтесь не провоцировать его. Наша цель — установить контакт, а не вызвать новую вспышку агрессии.

— Я понимаю, — кивнул я. — Мне нужно будет некоторое время, чтобы просто понаблюдать за ним, прежде чем я начну говорить.

— Конечно. Мы приведем его, как только вы будете готовы.

Беккер вышел, оставив меня одного. Я сел за стол, пытаюсь собраться с мыслями. Сердце колотилось сильнее обычного. Это было не просто волнение, а предвкушение встречи с неизведанным. Я был готов.

Через несколько минут дверь открылась, и в комнату вошел Сэм Таккер. Он был невысокого роста, худощавый, с впалыми щеками и пустыми, безжизненными глазами. Его одежда была мятой и неряшливой, словно он провел в ней несколько дней. Он двигался медленно, словно каждый шаг требовал от него огромных усилий. Когда он сел напротив меня, его взгляд скользнул по комнате, но не остановился на мне. Он просто уставился в пустоту.

Я дал ему время. Минуты тянулись, наполненные тишиной, нарушаемой лишь приглушенными звуками из-за двери. Я наблюдал за ним, пытаюсь уловить малейшие изменения в его поведении, в его дыхании, в напряжении мышц. Он казался отстраненным от реальности, погруженным в свой собственный, искаженный мир.

Наконец, я решил начать. Мой голос звучал тихо и ровно, стараясь не нарушить хрупкое равновесие.

— Сэм, — произнес я, — меня зовут Константин. Я здесь, чтобы поговорить с вами.

Он не отреагировал. Его взгляд оставался прикованным к стене напротив.

— Я понимаю, что вам сейчас, наверное, очень тяжело, — продолжил я, — и что вы, возможно, не хотите говорить. Но я здесь, чтобы выслушать. Если вы захотите поделиться чем-то, я буду рад услышать.

Я сделал паузу, давая ему возможность ответить. Тишина. Только его дыхание, прерывистое и поверхностное.

— Вы говорили, что «они все одинаковые», — сказал я, осторожно касаясь этой темы. — Что вы имели в виду?

В этот момент что-то изменилось. Его плечи слегка напряглись, а взгляд, казалось, на мгновение сфокусировался. Он медленно повернул голову в мою сторону, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание, или, возможно, на страх.

— Они... — начал он, и его голос был хриплым, словно он давно не пользовался им. — Они не понимают. Никогда не понимали.

Это было начало. Слабое, едва уловимое, но начало. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок, но на этот раз это был не страх, а предвкушение. Предвкушение того, что, возможно, мне удастся проникнуть в этот темный лабиринт его сознания.

— Что именно они не понимали, Сэм? — спросил я, стараясь сохранить спокойствие и не спугнуть его. — Что вы хотели, чтобы они поняли?

Он снова отвернулся, его взгляд снова устремился в пустоту. Но теперь в этой пустоте, казалось, мелькали тени про-

шлого, тени, которые он так отчаянно пытался скрыть.

— Они... они думают, что знают, — прошептал он, — но они не знают. Они никогда не знают.

Я понимал, что это будет долгий путь. Путь через тернии его травм, его страхов, его искаженных представлений о мире. Но я был готов идти. Я был готов слушать. Потому что за этой стеной молчания и бессвязных фраз скрывалась история. История, которая, возможно, могла бы помочь предотвратить новые трагедии. И эта мысль, эта надежда, придавала мне сил. Энск, ты действительно бросил мне вызов. И я его принял.

Я сделал глубокий вдох и решил не торопить события. В таких случаях слишком резкие движения могут привести к закрытию собеседника, а мне нужно было, наоборот, создать пространство для доверия, пусть даже крохотное.

— Сэм, — тихо произнес я, — я здесь не для того, чтобы судить или обвинять. Я хочу понять вас. Расскажите, если сможете, о том, что вас тревожит. О том, что заставляет вас чувствовать себя таким одиноким и непонятым.

Он молчал, но напряжение в его теле стало чуть меньше. Я заметил, как пальцы его рук слегка расслабились, перестали сжиматься в кулаки. Это был маленький, но важный знак.

— Иногда, — начал он наконец, — кажется, что мир вокруг — это театр, где все играют роли. Они улыбаются, говорят правильные слова, но внутри пустота. Они не видят настоящего. Они не видят меня.

Я кивнул, стараясь показать, что слышу и понимаю.

— И вы чувствуете себя вне этого театра? — спросил я.

Он кивнул, и впервые его глаза встретились с моими. В них была боль, но и какая-то искра надежды.

— Да. Я был всегда один. Даже когда был среди людей. Они не понимали меня. Они боялись меня. Или просто не хотели видеть.

— А что именно они не хотели видеть, Сэм?

Он замялся, словно боялся открыть слишком много.

— Мою боль. Мои страхи. Мои мысли. Они думали, что я странный, опасный. Я пытался объяснить, но слова не доходили.

Я сделал паузу, давая ему время переварить сказанное.

— Это очень тяжело — чувствовать себя непонятым и одиноким. Многие люди переживают подобное, но не все доходят до того, что вы сделали. Но я хочу понять, что именно произошло, что привело вас к этим поступкам.

Он опустил голову, и в комнате повисла тишина.

— Я не хотел никому зла, — прошептал он. — Просто... я хотел, чтобы меня слышали. Чтобы кто-то понял, что я не просто безумец.

— Вы не одиноки в своих чувствах, Сэм. Многие люди испытывают боль и отчаяние. Но есть и другой путь — путь, где можно найти поддержку и понимание, не причиняя вреда другим.

Он поднял глаза, и в них мелькнула слабая надежда.

— Вы думаете, что для меня есть такой путь?

— Я верю, что есть. И я здесь, чтобы помочь вам найти его.

В этот момент в дверь постучали. Я посмотрел на Сэма, он тоже поднял голову, в его глазах мелькнуло беспокойство.

— Это, наверное, детектив Беккер, — сказал я. — Он хотел быть в курсе.

Сэм снова напрягся, но не сказал ни слова. Я встал и пошел к двери.

— Я вернусь, Сэм, — сказал я, прежде чем открыть. — Мы продолжим наш разговор.

Детектив Беккер стоял в коридоре, его лицо было напряженным.

— Как прошло? — спросил он, понизив голос.

— Начало положено, — ответил я, стараясь не выдавать своего волнения. — Он говорит о том, что его не понимали, что он чувствовал себя одиноким.

Беккер кивнул, но в его глазах читалось нетерпение.

— А что насчет... ритуалов? — спросил он, понизив голос еще больше. — Мы нашли кое-что на местах преступлений. Необычные предметы, символы. Это не похоже на обычные убийства.

Я задумался. Действительно, фотографии, которые мне показывал Беккер, намекали на нечто большее, чем просто жестокость. Порядок, почти стерильность, и эти странные, едва уловимые детали, которые я тогда не смог расшифро-

вать.

— Ритуалы? — переспросил я, и в голове мгновенно всплыли образы, которые я видел на фотографиях с мест преступлений: аккуратно разложенные камни, странные узоры, начертанные на земле, и даже, кажется, какие-то травы. Тогда я списал это на эксцентричность или попытку запутать следы, но теперь, после слов Беккера, все обрело новый, зловещий смысл. — Вы имеете в виду... что-то оккультное?

Детектив кивнул, его взгляд стал еще более серьезным.

— Именно. На каждом месте преступления мы находили... ну, скажем так, артефакты. Небольшие, но явно неслучайные. Высушенные цветы, определенные виды камней, даже какие-то символы, нарисованные кровью жертв. И все это было расположено с какой-то жуткой симметрией. Мы пока не можем понять их значения, но это явно не просто так.

Я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок. Это меняло все. Одиночество, непонимание — это были лишь поверхностные слои. Под ними скрывалось нечто гораздо более глубокое и, возможно, опасное.

— Вы не упоминали об этом раньше, детектив, — заметил я, стараясь сохранить спокойствие.

— Мы не хотели вас отвлекать от основной задачи, Константин Петрович. И, честно говоря, сами не до конца понимали, что это значит. Но теперь, когда вы начали с ним говорить, возможно, вы сможете вытянуть из него что-то об этом. Это может быть ключом к пониманию его мотивов.

Я кивнул, обдумывая новую информацию. Это был не просто серийный убийца, движимый личными обидами или психическим расстройством. Это был человек, который, возможно, верил в некую высшую цель, в некий ритуал, который он должен был совершить.

— Хорошо, детектив. Я попробую. Но это будет непросто. Если он действительно верит в то, что делает, он будет очень осторожен.

— Мы на это и рассчитываем, Константин Петрович. Вы — наш единственный шанс.

Я вернулся в комнату, где сидел Сэм. Он поднял на меня глаза, в них снова читалось беспокойство.

— Кто это был? — спросил он.

— Детектив Беккер, — ответил я, садясь напротив него. — Он хотел узнать, как у нас дела.

Сэм кивнул, но его взгляд был прикован ко мне, словно он пытался прочесть мои мысли.

— Сэм, — начал я, стараясь говорить, как можно мягче, — детектив упомянул о некоторых... необычных вещах, которые были найдены на местах преступлений. Символы, предметы. Можете ли вы рассказать мне об этом?

Он напрягся, его глаза сузились.

— Они ничего не понимают, — прошептал он. — Они видят только то, что хотят видеть.

— А что они не видят, Сэм? Что они должны были увидеть?

Он молчал, его взгляд блуждал по комнате, словно он искал что-то невидимое для меня.

— Это... это не просто убийства, — наконец произнес он, его голос был едва слышен. — Это... это очищение. Мир болен. Он заражен ложью, лицемерием. И кто-то должен его очистить.

Я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок. Вот оно. Мистическая составляющая.

— Очищение? — переспросил я. — Что вы имеете в виду?

— Они не видят истинного света, — продолжал он, его голос становился все более уверенным, почти фанатичным. — Они живут во тьме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.